

Гидрофоракс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСЕЙ КОТАЕВ

Алексей Котаев

Гидроторакс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69778501

SelfPub; 2024

Аннотация

Мрак вечного дождя и нескончаемого тумана на секунду расступается. Человек в черном плаще бредет через город, отсыревший и рассыпавшийся под натиском вечной влаги. Бредет и несет коробочку. А за ним еще один. Потом другой. Люди, как муравьи, разбредаются по городу, чтобы выполнить свою нетривиальную задачу – донести посылку. Одних съедает город, других чудовища, но кто-то возвращается. И спустя сотни таких походов, человек превращается в пустую и безжизненную тушу, уже даже не надеясь получить заслуженную награду. Но если бы все были такими, то этого рассказа и не вышло бы. Эта короткая повесть о том, кто спустя долгое время, проведенное в вечной опасности, в вечном дискомфорте, не забыл, ради чего он страдает. Ради чего он называет себя "тушей", каждый раз возвращаясь в точку старта. В полном ужаса и отчаяния мире, есть те немногие, кто идут до конца...

Содержание

Мир вокруг меня

4

Мир внутри меня

26

Алексей Котаев

Гидроторакс

Мир вокруг меня

Глава 1

– ... звон колокола разбудит тебя, когда придет время...

– Кхах! – боль пробуждения вернула меня назад. Черт...

Этот долбанный голос, будто живой, будто рядом со мной, над ухом болтает. Хрень... А еще – кашель этот...

Глаза с спросонья видят плохо. Яркий свет, кучи черных грязных пятен. Я... Повезло, проснулся в хабе. Тут все скитальцы и собираются. Белые стены, сухо, воздух прохладный, отфильтрованный. Эти грязные туши расселись вдоль стен. Спят. Кто-то бродит и кряхтит.

Задолбали, как спать в такой обстановке?!

В этом прекрасном месте, которое все называют «хаб», таятся смысл жизни. Это небольшая комнатка, спрятанная под землей. В ней тихо, сухо и безопасно. Самое то, чтобы перевязать раны, обработать ожоги, или просто отдохнуть. Снаружи хаба небольшая полянка, расположенная в центре города... города... понятия не имею, че это за город. Плевать, там от города и нет ничего. Но не суть.

Мы тут все с одной целью. Все, чтобы доставлять грузы.

Посылки, которые нам нельзя вскрывать. От хаба, до хаба. Хабов до хрена, и в каждом че-то свое. И везде эти сраные вонючие скитальцы. Суетятся, спят, гадят под себя... те, что постарше. Что место свое в городе, под городом, не заработали вовремя. Отработанный материал, а не люди. Противно смотреть. Тут ведь как: если все три тысячи заказов сделаешь, то впустят. Излечат от всех болезней. Там сухо, свежо, есть трава и простыни. И бабы. Господи! Ни разу в жизни не видел бабу! Хоть бы одну увидеть...

Я, вот, опять про баб подумал, и от главного ушел. Три тысячи посылок, три тысячи вылазок, и будет тебе мирная жизнь. И не надо будет выходить наружу. В это убогое, мерзкое, мертвое место. Самое главное, что подлечат.

– Кха! Кха! – опять из легких вылезает пакость всякая. Все никак прокашляться не выходит. Последний год только хуже...

– Сука, да заткнись ты! – какой-то ублюдок пнул по моим вытянутым вдоль пола ногам. – Дай поспать, бляха!

Вот гандон старый.

Знаю я этого урода. С самого детства его тут вижу.

Встаю, разминаюсь. И пинаю по его лысой башке, покрытой язвами. Кашляю, воздух схватить не могу, и пинаю. Еще и еще. Увалень пытается лениво прикрыться от ударов, но я будто втоптать в пол его хочу. Пинаю и пинаю. Мудак...

– Деня, мать твою! Прекрати старика бить! – лениво ползут ко мне туши-скитальцы. Ползут не потому, что старика

спасти хотят, а потом, что группа уборщиков будет лишь через день. Кому охота труп волочить наверх...

А старик обмяк. Кожа с башки слезла, будто и не держалась на ней. Кровь не льется почти, одна сукровица лезет, с грязью от ботинок перемешалась.

– Убил? – спросила одна туша.

– Не. Жив еще.

– Ну и не трогай...

Им тоже плевать. Щас побухтят и лягут на свои рюкзаки, ждать очереди на заказ. Уроды тупые.

Старик захрипел и перестал дышать. Подох. Ибо не хрен! Ему лет сорок уже, а он все еще тут, в хабе ошивается. Ему бы три тысячи делать, а он лежит, мудака тупой. Небось хотел накопить побольше болячек, чтоб работы Сухим прибавить. Хрен тебе, они мне за это спасибо скажут. МНЕ! Не такой твари, которая ленится, пролеживает и проссывает углы чистого хаба, а мне!

Убил?

Ну да, убил. И че?

За что?

Да хрен его знает... Но вины я не чувствую. И раскаяния тоже. Старик и старик. Плевать на них, стариков. В хабе место освободится, нового приведут хоть, молодого. Пополезнее будет, чем этот лентяй.

– Кха! Кха, блядь, КХА! – чертов кашель. Ноги подкашиваются даже, режет так, что хоть рядом со старым ложись.

Что-то совсем не вмоготу, наклоняюсь, чтобы на рюкзак свой опереться и прилечь. На бок. На боку не так больно.

– Да ты задолбал лаять, шакал!

– Заткнись, сука! Кха, бляха! Кха! Кха! – черт... Не могу остановиться. Хоть подыхай.

– Деня! Там экран горит. Рожа твоя, вроде!

Моя? Пытаюсь разглядеть огромный экран на стене. Волосы белые. Моя. Ток у меня волосы белые тут, в хабе среди туш. Белые? Или как их там... блондинские? Черт знает, что за слово...

Ломает кости. Прямо больно, будто сверлят их вдоль. Ну ниче, щас выйду, щас заказ возьму. Я ждал его. Только его, и все. Вот еще один... Касаюсь экрана со своей огромной рожей в полный рост, экран темнеет и становится маленьким. Будто уменьшился. Глаза щурю, чтоб разглядеть ее...

– Денис, здравствуй, – говорит красавица. Я вижу только ее лицо на маленьком экране, но знаю, что она красавица. Блядь, глаза с трудом могут разглядеть ее красоту. Девушки... И голос ее нежный. Туши, когда с ней болтают... я глотки грызть им готов, лишь бы не клеились к ней. Уроды. Но я знаю, что она только со мной так здоровадается. Денисом называет... Не так, как других. Остальных по тупому как-то.

– Денис?

– Да? – надо улыбнуться. Легонько, будто с настоящей говорю. Будто передо мной она. Девушка эта. Красивая. Я бы на колени перед ней встал, прикоснулся бы лбом к ее ботин-

кам... глаз не оторвать. Я все ближе и ближе к экрану, вот-вот поцелую... Еще чуть-чуть...

– Денис, как твое зрение?

– Отлично! – приходится отскочить. Поняла, что ли? Что поцеловать ее хочу. Внизу живота будто болотная жижа пузырями исходит. – Таня, не переживайте, я в...

– Пройди тест, Денис, – лицо с экрана пропадает, появляется красная точка и цифра. – Давай.

Я руку вытягиваю, прикасаюсь к точке, и цифры начинают меняться. Закрываю один глаз, левый.

– Семь, один, семь, не знаю цифру, один, три.

– Хорошо, Денис, давай другой глаз.

– Ага, – глаз меняю, но не меняю, прищуриваю. Левый не видит ниче. Только свет ловит. – Семь, один, пять, восемь, не знаю цифру, такая же, только перевернутая, три.

– Молодец, Денис. Ты в порядке. Я рада, что ты здоров и полон сил...

– Как всегда, Таня... – красавица моя.

– ... контейнер среднего размера. Отнеси его в хаб на окраине города.

– Это та, где вышка, или около плотины?

– Окраина с вышкой.

– Плевое дело! – рассмеялся я. Не просто так рассмеялся. – Таня, вы только дождитесь. Это моя последняя доставка, и я буду у вас!

– Денис?

– Ась? – я уже рюкзак свой подхватил. Уже на одно плечо кинул, башка от кашля звенит, но я здоров. Это все ерунда, мне бы до следующего утра дотянуть и все. И я у них. Рядом с Таней. Она ждет меня. Я знаю это!

– Ты трехтысячник? Странно, подожди секундочку...

Лицо пропало с экрана. Я огляделся по сторонам и увидел лишь черные пятна-туши других скитальцев. Мудачье. Завтра утром я при вас спущусь в город! Обниму Таню, что ждала меня долгие двадцать лет. Двадцать, мать их!

– Денис, – вернулось прекрасное лицо на экран. – Прости, ошиблась. Для тебя другое задание.

– Что? Но почему? Я справлюсь! Я мигом, туда и обратно...

– Нужно доставить мелкий контейнер...

– Туда же? – обрадовался я, что еще и тяжести таскать не придется.

– ... в болота на северо-востоке от города. В НИИ «Агротехкомплекс». Контейнер важный. Не потеряй.

– Стоп, Таня, подождите! – что она несет? Какое НИИ? Че это вообще такое? Мать вашу, почему не в городе? – Таня... Я это... А северо-восток... это как?

Не могу на нее злиться.

– Выход из хаба, и по стрелке налево.

– Так там же... – и она пропала. Вылез контейнер из стены, а там маленькая коробочка. Запаянная. Свинцовая. Чтоб не разъело. – Блядь!

– Че, подружка бросила? – рассмеялся кто-то из туш. – Ну че, Деня. В последний заказ, значит?

– Ага... – я достал со дна контейнера три пули. Примерил их к магазину в своем пистолете, что в кармане валяются тяжелой ношей. Не лезут. Опять не те дали... Не помню уже, когда те давали...

Ноги трясутся. Почему заказ сменили? Ну все же так просто было! Я же до вышки уже все дороги знаю, и тварей там почти нет, все сытые сидят по углам... Бляха, а там... какое-то НИИ. Как найти-то?

– Эх... – могу только вздохнуть с хрипотой, что мучает уже давно. Кашель лезет наружу, но я зубы стиснул, к старику дохлому наклонился и тушу сбросил с рюкзака. Открыл. Вдруг че дельное есть...

Да нет ни фига. Бутылка с водой, тряпье с плесенью, пара сгнивших горбушек хлеба, да ботинки запасные. И те не моего размера.

Странно, а когда мне ботинки выдавали в последний раз? Посмотрел на свои, но толком их не увидел. Черные, грязные, мутные в больных глазах...

– Старый, ты где пули хранил? – болтаю с трупом, но он меня не слышит. Роюсь дальше, все карманы уже обшарил. Нашел. Две. Одна моя, одна не моя. Ну и на том спасибо. Сунул пульку в магазин, чтоб хоть что-то болталось в нем. Чтоб хоть одна лишняя. Магазин обратно защелкнул, звонко так, и колокольчик, что к пистолету привязан, прозвенел.

Противный звон.

Я, когда мелкий был... мне сказали, что звон этот спасти должен. Но как? Сколько не звенел, по молодости, ничего не происходило. Твари как нависали надо мной, так и нависают. И небо черное никак светлым не становится. А спастись то больше и не от чего.

Бляха... Ладно. Толкаю тяжелую стальную дверь, она со скрипом выпускает сырой воздух, и передо мной вырисовываются в темноте ступени. Иду наощупь. Три тысячи раз уже... почти три тысячи раз по ним поднимался. Может и больше. Шаг в темноту, и воздух становится ну уж совсем влажным. Он забирается между слоями одежды, начинает щипать больные глаза. Только легким становится лучше. Кашель стихает от этой сырости, и дышать получается проще.

А наверху все тот-же мрак. Капли дождя колотят по маленькому навесу над норой хаба, гудят. Воздух трясется и издали, со стороны центра города, доносится вой гигантов. Я легонько выглядываю, смотрю в пол, чтобы периферией поймать их в темноте. Вижу. Две точки глаз. В паре тысяч шагов от меня. В глаза смотреть нельзя, иначе сюда придут. Чуют взгляд...

Только точки светящихся глаз гигантов, что через разрушенные дома перешагивают, и видно. И больше ничего. Туман. А они через туман смотрят. Ждут, когда случайно на них зыркнешь...

Тут всегда туман этот едкий. И дождь. Не было ни дня,

когда бы сухо было. Таня рассказывала про солнце, но я его не видел. Говорит, как лампочка, но че толку от лампочек в таком доже, да тумане...

Руку вытягиваю, и кончики пальцев скрываются от меня. Сегодня сверхплотный. Вода в воздухе стоит и глаза щипать начинает. Я натягиваю маску, цепляю на рожу шарф и делаю шаг из-под навеса. Ноги в жиже тонут, грязь в подошву забивается и ботинки тяжелеют. А дождь по спине колотит. Холодный, сука. Забирается между рюкзаком и плащам. И пистолет этот железный карман тянет. Выкинул бы его, да нельзя. Танин подарок.

Перебираюсь через дыру в заборе, ступаю на брусчатку, что в дневном свете, через туман и тучи, красная. От плесени красная. Дышу реже, пока иду по мертвой аллее, пересекаю ее, ныряю в пятиэтажку, а там квартирами. Дыр понаделали, кирпич на полу сырой и рыхлый. Стену тронешь – осыпается. Вода лужами даже тут стоит. Паркет вспух и вылез, торчит, как цепкие пальцы из-под пола.

– Погодите-ка... – ловлю взглядом новую дыру. Смотрю в нее, пристально вглядываюсь. Понимаю, что не нормальная дыра какая-то. И начинаю бежать.

Не дыра это! Сука!

С самого первого шага, блядь! Почему в эту сторону то? Какого долбанного черта тут зеркало?

– Сука, – кашляю на бегу, переваливаясь через нормальные дыры, не через те, которые сожрать меня не хотят. Твари

эти... Зеркала... Они смотреть заставляют... Сука. Я видел, как одна туша перед ним стояла. День стояла. И через неделю того-же маршрута стояла. Я мимо ходил, когда... А через две уже не было. Пропала туша!

И ведь, блядь, туша смотрит в эту тварь. И видит че-то. Сначала себя видит, а потом че – хрен знает. Но видать нравится, раз стоит. Иные туши говорили, что нельзя дергать такого, мол, с собой стоять оставит. А я сам чуть стоять не остался сейчас! Я так рад, что глаза слепые и не видят ни хрена!

Я в ужасе вывалился из кирпичного дома, пробежал, как мне тогда показалось, километр по разрушенным и гнилым комнатам. Даже оглядеться не успел. Бежал туда, где отражение мое не мелькало в дверях и дырах. Там зеркал этих... Будто рассадник. Будто там только и живут. И это только первый этаж был...

Я уже много лет такого страха не чувствовал. Он к глотке подступил пеной. С отрыжкой каша вылезла. Я сплюнул алую жижу, прочавкал железным вкусом по небу, воду достал из рюкзака и запил эту мерзость. Достал ворох таблеток, что Таня дала, и всем скопом проглотил. Чтоб на язву легли, которая от пробежки открылась. А то больно много крови в животе. Противно. Слюни красные.

Скитальцы, блядь... Почему Сухие нас так называют? Мы же сами друг друга тушами называем...

Я скатился по распухшей от влаги перилле и сел у крыль-

да мертвого дома. Пятиэтажного. Туман слегка расступился, гоняемый ветром и сквозняком, а вокруг... Десяток таких домов.

Шаги издалека донеслись. Ровные, выверенные. Редкие. Редкие, блядь... Я голову опустил, чтоб лица видно не было. Так, чтобы только дорожку перед собой видеть. Шаг знаковый. Ноги метра два в длину. Босые вытянутые стопы остановились передо мной, постояли и дальше пошли. Дыхание задержал, кашель задержал. Дохлым прикинулся. Как старшие учили... Чтоб смотритель мимо прошел. Ни разу не видел его вживую. Только ноги егоные, бледные, с длинными пальцами и черными ногтями. Хотел посмотреть. Каждый раз хотел голову поднять. Нельзя!

Кровь из глотки лезет, а я глотаю ее, чтоб звуки не издавать. Жду, когда шаги слышны перестанут быть. И снова звуки какие-то. Рык какой-то... Да ну вот нет! Нет! Ну не сейчас же!

Склизкая собака светит оскалом, на меня смотрит. Знает, что живой. Шаги затихли. А потом снова начали греметь. Именно, что греметь. Сюда греметь...

Я глаза на собаку поднял и бледные ступни мелькнули передо мной.

Глаза в пол! В ПОЛ! Я тугую шею согнул, чтобы не видеть. Краем слепого глаза лишь уловил, как собачья тень во мраке поднялась вверх. И все.

Все...

И ноги пошли дальше.

Тупая собака...

Снова тишина. Только туман стоит редкий, жидкий такой. Дождь льет, гремит по капюшону, а я сижу и подняться не могу. Я только шаг из хаба сюда сделал, а тут уже столько тварей... Я не дойду... Блядь! Я не дойду!

Хотя стоп. Таня дала мне важный груз. Я пошерудил рукой за пазухой и достал свинцовую коробочку. Тяжелую. С швом на боку. Потряс ею, а внутри что-то перекачивается. Что-то важное для Тани. А значит и для меня.

Нет. Надо идти.

Посмотрел на свои ноги, по которым уже начали ползать безглазые ящерицы, смахнул их, они безмолвно упали на грязь и тут же зарылись в нее. Тоже подумали, что ядохлы. Погреться хотели, да пожрать. А я еще недохлый. Вдалеке шлепнулась собачья туша. Не видно было, но и так понятно, что с большой высоты. Тварь отпустила дворнягу.

Плевать. Надо идти. Наставник всегда говорил, что нужно двигаться. Нужно идти. Твари ждать не будут, найдут меня. Интересно, как он там... Он еще двадцать лет назад трехтысячником был. Живет сейчас, наверное, в сухом городе. А я... Чертов придурок, я догоню тебя!

Ноги сами волочат меня вперед. Пара поребриков, пара маленьких заборов, что рассыпаются от гнили, стоит только их толкнуть. Железо осыпается, превращается в хлопья ржавчины, падает на сырую траву, что, коричневая, переме-

шалась с грязью. И снова дома, дворики, огороженные сеткой. Сетка тоже поддается, я хватаюсь за нее резиновыми перчатками и разрываю как тряпки, как одежду, которую порвал бы на Тане, если бы мог. Нет, я конечно бы спросил ее, можно ли... А потом порвал бы.

Грохот отвлек меня. Что-то брякнуло. Я огляделся в жидком тумане, крутанулся вокруг себя, одновременно пригибаясь. Черт, старая тачка. Дверь отвалилась. Отгнила и рухнула. Вот только почему сейчас?

Я медленно подполз к рыжей машине по вспученному и рассыпавшемуся асфальту. В салоне гниль. Стекол нет. Дверь валяется и вот-вот рассыплется от ржавчины. Все рыхлое, опухшее от воды. Будто туша, что бродит по городу три дня, и никак выйти не может. Возвращается, а все тело белое-белое, кожа вздулась от влаги и скукожилась, как у самого старого старика. И болит...

Отвратительные ощущения прорвались через память, я закатал рукав и посмотрел на изъеденное язвами запястье. Пока нормально. Не сильно долго тут. Пару часов всего...

В пластиковом бардачке пусто. Чего и следовало ожидать. Туши тащат все, что можно, лишь бы прожить подольше. Даже зеркала оторвали, чтоб за углы заглядывать. Я устало поднимаю глаза вверх и понимаю, что высокое здание, из серого мокрого бетона, уходит так высоко в небо, что теряется в облаках. Или в тумане...

Интересно, а что там, над этой серой фигней? Что вы-

ше тумана? Лампочка? Днем ведь светлее, чем ночью. Чуть-чуть, но светлее. Я смотрю наверх, и дождь колотит по маске, капли остаются на стекле, лишая и без того плохой видимости. Если бы не маска, то дождь выжег бы мне глаза до самого конца, оставив барахтаться в полной темноте. Но я не такой тупой, чтобы снимать ее сейчас. Пусть она уже и запотела.

Наклоняю голову, пряча лицо под капюшоном, снимаю с глаз пластик и протираю его кофтой, что под плащом. Плюю, растираю, чтоб дольше не потела, и обратно на глаза.

Внутреннее чутье ведет меня по стрелке налево. В направлении... болот, да?

Я поднимаюсь на ноги снова. Суставы скрипят и не хотят сгибаться, но пара-тройка шагов заставляют их это делать. Кашель пытается пробиться. Но уже не такой болезненный. Влажный.

Высоченный дом остался позади, и идти, не поднимая головы, становится все сложнее. Хочу вперед смотреть, но знаю, что тут могут быть твари пострашнее, чем смотритель. Их хотя бы слышно... Смотрителей.

Вой собак и гул тварей, в непонятном далеке, изредка режут шум дождя. Оглядываться нет смысла. Их все равно не увидеть. Только глаза гигантов над городом точками висят. Но в них смотреть нельзя. Нельзя.

Петляя по дворам и улицам, я выбрался на широкую магистраль. Перепрыгнул через отбойники, встал на кривой асфальт, из-под которого начали торчать плиты. Прикрыл гла-

за, нашел внутри стрелку налево. Туда. Вверх по дороге, что над домиками идет. Будто стоит на лапах-столбах. Отсюда вижу, что спина дороги изогнулась и провалилась местами.

Громкий гудок заставил меня отпрыгнуть в сторону. Странное рычание коробки на круглых колесах появилось из ниоткуда, сотрясло воздух и приблизилось ко мне.

Как это? Машина?

Большая ржавая коробка проехала мимо. А я стою на обочине и смотрю в ее выбитые окна. Автобус, да? Точно ведь он. Ночевал в таком однажды.

Вот только это не тот мертвый автобус. Этот мертвее. В его салоне, что проглядывается со всех сторон, будучи абсолютно без стекол, сидят черные тени. Тени встали, на меня уставились, но прыгать не начали. Уехали вдаль, в гору. По делам.

Но смотрели пристально, взгляда не отрывая. Глаз нет, но взгляд есть. Будто нутро мое чуяли. И не шелохнуться. Оцепенел. Замер. Испугался. Я умер сейчас, где-то внутри. Неосторожно выбрел на незнакомое место, столкнулся с чем-то новым, и подох. А нет. Не подох. Повезло. Повезло так, что жизнь сохранил. Трехтысячный заказ сохранил...

Интересно, а Таня обиделась бы на меня, если бы я коробочку похерил?

Оперся на фонарный столб. Воду достал, чтобы страх в желудок протолкнуть, к язве и таблеткам... Свет на столбе загорелся, облил меня ярким желтым лучом... Фонарь? Нет.

Шея столба изогнулась, наклонилась к земле и посветила мне в лицо. Пару раз моргнула, закрывая веки. Я знаю, что там глаз. Свет этот делает. И светит, и смотрит. В рожу мне глядит, моргает. И свет моргает. И стало страшнее...

Страшнее стало. Я по столбу скатился на землю, и тяжелый рюкзак завалил меня на бок. Я лег и глаза прикрыл. А свет моргает, брызжет. Глаз-лампочка уставился на меня, а я уже все. В этот раз не повезет. Неосторожен был. Из сотни одинаковых столбов наткнулся на хищный. Но как я должен был понять?! Вот как, сука?!

И стало темно...

Я столько лет брожу по городу, среди этих уродов, а сейчас, преисполненный долгом донести последнее, лажаю на каждом шагу. Как это понимать? Почему так? Это потому, что меня Таня ждет? Или потому, что наконец перестану быть чертовой тушей? Стану нормальным, как Сухие под землей?

Сухие... а я сырой. И в штанах уже сыро стало. Взрослый, а ссусь от страха как ребенок.

Темно. Глаза открывать не хочу. Не хочу видеть свою смерть. Дождь по шарфу хлещет, по маске стучит. Затекает за шиворот, щиплет кожу... И некомфортно. Повернулся на живот. Плащом укрылся. Жду, когда же уже сожрет.

– Кха! – вновь вырвалось у меня. – Кха! Кха!

Я на четвереньки встаю и шарф оттягиваю. Блюю бурым на сырой асфальт. Лужа почти черная, ползет от меня вниз, к

городу. Сука, волнение вышло. Давненько не блевал от страха. А он вот как... с кровью выходит...

Фонарный столб обогнул меня, любопытно подсвечивая кровь с кучей не растворившихся таблеток, отодвинул мою тушу и мазаться начал в бурой луже. Свет в красный окрасился, впитался в глаз-лампочку. И потух.

Я огляделся по сторонам. Сотня столбов, один на другой похожие. И мой стоит. Такой же. Тоже не работает. Мрак после яркого света еще темнее. Особенно после такого света. Фонарь вдруг завыл душераздирающе и затих. Его собратья вдалеке откликнулись, моргнули лучом под свою длинную ногу и замолкли. Знают, что иду. Но убивать не спешат. Фонари эти...

Глотку режет от изжоги с кровью. Ноги трясутся от страха, штаны сырые, но пока еще теплые. А вот верх начинает подмерзать. Вода в бутылке начала заканчиваться, и я скребанул пластиком по дну лужи, чтобы наполнить хотя бы половинку. Бросил туда шипучую таблетку, чтоб кислоту убить, закрыл крышкой и поболтал. Попил.

Фонари, которые живые, остались по одну сторону дороги, а вот я перебег на другую. Тут тоже фонари, но они хотя бы не откликнулись моему. Первому. Дорога идет над городом, и тут как-то спокойнее, даже при учете фонарей этих. Тут даже если твари и будут, то их хотя бы видно...

– Блядь, – вырвалось у меня от обиды за сырые штаны. Но я, как вернусь, точно расскажу кому-нибудь про это. Чтоб

как я не обосралась. Ну или не расскажу. Посмотрим, кто в хабе будет...

Вот же ж... двадцать лет брожу, а знаю не все. Я до этого момента точно был уверен, что знаю если не все, то почти все. А тут вон оно как. Даже для таких как я сюрпризы остались. Надо быть внимательнее.

Я толкнул рукой ограду моста, и она устояла. Значит, провал можно преодолеть по ней. Порвал, да... Стоп, а как-же автобус? Я посмотрел вниз, на то, как ветер гоняет туман, и в один из моментов просветления понял, что там, на дне обрыва моста, огромной горой свалены ржавые коробки. Автобус и не ехал на другой край. Он ехал упасть сюда. С высоты. Чтобы к другим таким же. Что-то новенькое. Так вот как развлекают себя твари...

Интересно, а наставник знал про это? Ну вот все фонари эти, да автобусы. Или такие уроды только сейчас появились?

А да и пофиг. Трехтысячная. Нет смысла думать. Донесу и обратно. К Тане. Уже по протоптанной дороге.

– Нужен привал... – огромная нога гиганта пролетела надо мной и ударилась вдалеке. Ветром дунуло, ну да и ладно. Тут же главное в глаза им не смотреть. А так, они и не замечают туши под ногами. Не раздавил ведь...

Я огляделся и не смог найти ничего стоящего. Бетонные дома, половина из которых уже осыпалась, не сулили ничего доброго. Я отсюда слышу скрежеты и хохотания чудовищ из выбитых окон. Глазницы домов черные и пустые, и вряд ли

там я найду пристанище для отдыха.

Если и заходить в дом, то только на первый этаж. Выше туши не ходят. Там нам делать нечего. Были смельчаки, которые искали наживу, но че там в такой сырости наживного – не знаю. Там только тени ходят. Тени, зеркала и слизь.

Подкравшись к крыльцу, я сунул голову внутрь. Дерево распухло в дверном проеме и выдавило отсыревший бетон. Все это рухнуло на пол еще до меня, но глядя на происходящее, кажется, что совсем недавно. Твари не оставляют следов. Они не трогают дома и улицы. Все, что можно сломать или испортить, ломают туши. Твари не способны коснуться чего-то вокруг. Их будто и нет. Но в то же время они есть. Мне объясняли, как это, но я тогда не совсем понял.

Да и нужно ли мне это понимание? Я забрел в коморку у самого входа, что завешана дырявыми гнилыми одеялами, и сел в темноте. Снял и маску, и капюшон. Снял шапку. Одежду снимать смысла нет. Она тут не высохнет. Потом, перед своим хабом, разденусь, ополосну в луже, чтоб мочой не воняло, и забегу сушиться. Если дождь не разъест меня раньше. Хотя... спустя столько лет, я уже и не чувствую боли от капель дождя. Привык. Кожа задубела, стала твердая, будто чешуей покрылась. Кровоточит иногда, на стыках чешуек, но это у всех так.

Я глаза закрываю свои полуслепые, и Таню вижу. На экране на этом. Красивая Таня. А че это я, собственно... Откапываю в рюкзаке старый полумертвый фонарь. Делаю пять

ленивых нажимов на рукоять, чтоб внутри чего крутанулось и свет загорелся. Лампочка тусклая, но мне хватит. Даааа... точно хватит. Я из-за пазухи достаю других Тань. Вот они, на металлическом колечке. Маленькие такие, голенькие. Пластиковые и прямоугольные пластинки перелистываются. Тани на них меняются, а я невольно штаны развязываю. Не просто же так остановился.

Старые картинки, уже черно-белые. Но мне и так хорошо... Какие же они красивые... Девушки.

Гнилое одеяло одернулось, и я резко начал заправлять одежду.

– Это че? – вскрикнул кто-то. – Это бабы у тебя?

Рванул на меня. Туша очередная. – А ну дай!

– Да хрен тебе, – я на спину завалился, чтобы ногами поймать ублюдка. Я не отдам ему мое сокровище. Я всю жизнь их несу. С того момента, как помню себя.

Что-то обожгло руку, а потом и бок. Понятно. Все ясно, тварь ты эдакая. Туши бывают страшнее чудовищ. Я выхватил из кармана пистолет и произвел громкий оглушительный выстрел, на секунду осветив все пространство. Вспышка света была такая яркая, что темнота после нее была самым черным из того, что я сегодня видел.

Заскулил урод.

Я нож достал и навалился. Вогнал перо в шею, потом еще раз. Попытался грудь проткнуть, но уперся в ребра. Ладонь в перчатке соскальзывает с сырой рукояти. Неудобно. Решил

в живот бить ублюдка. Раз десять ударил. Вроде подох. Не мычит. Баб на колечке не отдам. Хрен там.

Кровь хлещет из левой руки, мочит рукав кофты. И плечо левое мокнет. Чуть выше груди попал, больно, но не очень. Жжется только. А вот пальцы, на руке раненной, мерзнуть начали. Крови им мало. Тряпки из рюкзака вынул, намотал на порез на предплечье. Задавил его, чтоб кровь не мешала, а то уже и в перчатку натекла, падла такая. Перчатку хоть выжимай красным...

А вот с плечом хуже. Из-за него уже кофта сырая насквозь. Будто и не было над ней плаща. Прикасаешься – больно. Не прикасаешься – кровь хлещет. Но ниче. Мне немного. Туда и обратно, просто заткнуть чем-нибудь. Чтоб все не вытекло. А там пусть хоть гниет. Я хлеб из своего рюкзака достал, вынул его из спиртового пакета, сжал, чтоб тоненький стал, и в рану сунул. Глубоко сунул. Хлеб крови напился, разбух и дыру заткнул. Протер и скотч наклеил. Прозрачный, поганый, но скотч. Как вторая кожа. Как кожа у лягушек. Прозрачный, внутренности видно. Но хлеб держит.

Иголка с ниткой в верхнем кармашке рюкзака лежат. Вот бы зашить... да не хочу. Тут идти то...

Выволок мертвую тушу на улицу и бросил у крыльца, пусть твари его забирают. Мне он тут ни к чему. А вот рюкзак оставил. В рюкзаке хлеб и вода. И коробочка свинцовая. Тоже что ли трехтысячник? Ну да и ладно. Одним меньше.

Вещей сухих у него не было, но были какие-то мягкие

стельки в обувь. Берег их, видать. Как я баб на колечке берегу. Патронов нет, но оно и понятно, иначе хана мне. Да и у меня их осталось не весть сколько.

Так, а вот пистолет у него другой немного. Да и рожа незнакомая, видимо из другого хаба шел. Куда шел? Патроны мои влезают. Раз, два, три, четыре, пять... ах черт. Больше пяти. Из тех, что к моему пистолету не подходят. Тяжелый. Положу в другой карман, чтоб с обеих сторон тянуло.

Я снова зажег фонарик и задернул гнилые одеяла, под завывания ветра. И чудовищ со второго этажа. Представить трудно, сколько их там.

А ведь выше есть еще этажи. Даже выше пятого есть. И до сколько они там идут – никто не знает. Потому, что никто и не возвращался. Туши мрут как мухи от любой глупости. Залез в воду – помер. Решил посмотреть, че на других этажах – помер. Посмотрел на глаза гиганта – помер. Свечку задул на улице – помер. Каждый чертов шаг – смерть. Сегодня я облокотился на фонарный столб. И тоже, считай, помер.

Красивые девушки на пластиковых карточках смотрят на меня. А я на них.

Мир внутри меня

Глава 2

Порез на руке опух и начал давить повязку. Плащ дырявый в двух местах, а я бреду по широкой площади, с восхитительной красной брусчаткой. Часть кирпичиков красные, но есть и черные. Это плесень воюет. Горло дерет от вони плесени, так, что даже шарф не спасает. Туман исчез почти, и влага не давит плесень к земле.

Ноги устали, ботинки сырые и тяжелые. Стельки мягкие только хуже делают, кажется, что по болоту иду топкому.

Раньше как-то проще это давалось. Тогда, когда еще наставник был. Мне было пятнадцать, когда меня привели в хаб, к этим тушам. Откуда привели – не помню. Ваще ни-че не помню. И как говорить учился не помню, будто всегда знал слова. С цифрами бардак, а слова нормально знаю. Больше, чем многие. Но тут и наставник помог. Я тогда пришел в одних штанах и футболке. И тут же заказ получил. Коробочку. Маленькую, как сейчас. Только легче была, железная, не из свинца.

Я тогда открыть ее хотел жутко. А наставник за мной увязался и пакостить не позволил. Плащ запасной дал. Это я сейчас понимаю, что он снял его с трупа, но тогда он мне жутко помог. Показал че к чему. Про дождь, про чудищ местных. Показал, как до трубы дойти, да до плотины. Ну и

вышку связи показал. Чтоб я хоть как-то ориентировался.

Он многое показал. Только я всего и не помню. Он иногда слова такие говорил, что они в ушах до сих пор звенят. А че значат – не пойму. Будто он больше всех знал. Говорил, что к знаниям тянуться надо.

Да какие, к черту, знания?!

Выжить надо.

А потом ушел. Трехтысячную отнес и все. Он умный был, сильный. Живее всех был. Скорее всего, его даже лечить не пришлось Сухим.

Я, вот, его сейчас понять не могу. Мальчишки мелкие приходят, но как их учить? Они же в страхе трясутся. Не слушают ни черта. Ты им про тварей, они тебе про то, зачем все это. Я посмышленее был. То и жив сейчас.

Я похлопал коробочку за пазухой. Трехтысячную несу.

Стельки эти сраные покоя мне не дают. Мотает меня на них. Я вниз посмотрел и краем глаза что-то увидел.

Что?

Взгляд перевел, и ничего. Снова опустил глаза, и снова вижу. Краем. Правого глаза. Смотрю на ноги, иду медленно, тихо. И пытаюсь боковым зрением разобрать то, что впереди.

Поднял взгляд – пропало.

Да блядь!

Нет-нет, вот сейчас. Я остановился. Посмотрел на ботинки и понял, что вокруг меня люди ходят. Не туши эти мрач-

ные, а люди. Много, жуть как много людей на площади. Одежды разные, яркие. Открытые одежды, не для дождя и тумана. Я даже маску снял, чтобы глаз лучше видел. Прокашлялся немного, успокоился. Не убивают. Будто и не видят вовсе.

Просто толпы людей, посреди площади. И если на них смотреть, то нет их. А если не смотреть, то вот они. Даже шум начал появляться. Будто люди перекрикиваются. В звон перерастает.

Ха! Чуть не подловили. Я вышел из оцепенения, ударил себя по ушам, чтоб шум сбить, и глаза вперед устремил. Все! Нету вас! Знаю, щас бы застыл, и не отстыл бы! В любой непонятной ситуации нужно думать, что это твой конец. Да, трусливо, но жить нужно. Нужно посылки носить. Нужно три тысячи сделать.

Стельки эти...

Глаза вниз опустил и понял, что не стельки. Огромное поле брусчатки покачивается от моих шагов, будто волнами вода исходится. Топнул посильнее и пробил плитку, нога утонула в трясине. Блядь!

Это же и есть болото! Под плиткой болото! Под гладью брусчатки трясина черная! Ногу сырую щиплет, а я бежать пытаюсь, и чем сильнее бегу, тем сильнее пробиваю плитку и в воду падаю. Уже карабкаться приходится, по колению забирает муть, я на плитку взбираюсь, а меня вниз тянет, будто раздвигаю перед собой кирпичики, вперед бреду. Блядь!

Блядь!

Да сука!

Сил уже нет, я рывок делаю и плашмя ложусь. Вперед. Руки раскидываю интуитивно, будто плыть собрался, а падаю на плитку. Покачивается на волнах все. И я покачиваюсь. Ноги еще в воде, а вот верх лежит. Не тонет. Подбородок разбил об твердое и зуб отколол. Выплюнул.

Я ползком. Ползком. Вперед понемногу. Яма за спиной осталась черная. На жопу перевернулся и смотрю назад, пока дождь грязь с ног смывает. Плитка из-под черной воды всплывает и обратно. Хаотично обратно, в кучу как-то. Покачалась, утряслась, и снова ровной стала, по кирпичикам сложилась. И снова красно-черная брусчатка. Ток черного больше стало.

Больно. Плечо опять сырое и теплое. Горит даже. Боль такая, что чуть сильнее обычной. Как будто в хабе сухого воздуха надышался и легкие дерет. Вот так, примерно. Ладно, надо идти, а то туман к вечеру опять плотный. Опять в кучи собирается. А мне на стрелку налево надо. В какое-то НИИ. Зато обратно попроще будет.

Нога гиганта угодила прямо в болото. Брусчатка брызгами вверх взлетела, волна пошла такая, что меня накатом выбросило на заборчик вокруг площади. Я снес его, разбил в дребезги, и на землю повалился. Земля сырая, но твердая. И я сырой. Болото отступило в привычную ему яму и снова брусчаткой заросло. Живое, видать... Чуть не пожрало.

– Спасибо, – шепотом говорю гиганту, что бредет по своим делам. Сам в лес за площадью захожу. Глаза поднимаю, потому что шея уже устала вниз смотреть, и понимаю, что туман меня облепил. Полностью. Руку протягиваю, и пальцы не вижу. Как же меня уже достала эта новая дорога. Будто специально самого живучего отправили на такой сложный маршрут. Ну ниче, направление я помню. У меня внутри эта стрелка сидит. Стрелка налево. И Таня тоже внутри сидит. Ждет героя. Я готов был к этому больше остальных, я ведь трех...

– Денис?

– А? – обернулся я на знакомый голос, но никого не увидел. Деревья в странном лесу вверх тянутся, и среди черных столбов различить кого-то сложно. Это как назло... Стоило только путь продолжить и...

– Денис!

– Наставник? – я узнал этот голос. Сквозь двадцать лет его пронес.

– Хватит ворон считать! Маску поправь!

Я обернулся и увидел его. – Наставник...

А он все такой же. Тот же широкий короткий плащ. Каска на голове под капюшоном, очки его двумя зелеными точками светятся в темноте. И красным иногда переливаются, когда он линзы меняет. В руках большой пистолет, длинный такой, тот, что очередями стреляет. И магазин у него не в рукоятке, а впереди. Причудливый. Стрекошет громче тварей.

Помню. И ботинки его высокие помню, и штаны водонепроницаемые. Такой же молодой. Смотрю, будто на одногодку своего.

Он очки снял и на меня смотрит. Оружие за спину убрал и руки протягивает в своих перчатках с костяшками блестящими. И под плащом жилет с карманами. Веревки, ловушки, зеркала. Все блестит. А я... Кофта серая, и та уже черной от крови стала. И плесень везде.

– Денис, маску поправь! – продолжает он.

– Да ладно, ладно! – я руку протягиваю, чтоб поправить ее, и звон колокольчика меня будит. Пистолетом поправить пытался. Палец на курке. Блядь...

Я чуть себя не убил...

– Наставник... – бормочу я в ужасе. Он же... он же убить себя сказал, да? Он же про маску это... а пистолет как взял? Как я взял его? На пистолет смотрю. Мой. Из кармана достал. Сам. Рукой. Взвел, с предохранителя снял. Патрон в патроннике блестит медью...

– Денис!

– Отвали!

Я вскрикнул и побежал. Этого быть не может, чтобы наставник тут был. Чтобы ждал меня. Это не он! Не он! Это оборотень! Точно оборотень!

– Денис, бляха! – говорит, как наставник.

Что-то дернуло меня за руку и отпустило. Я на руку посмотрел – цела. Ни крови, ни ушиба. Пистолет в руке, да и

только.

Меня с ног сшибли. Тот, кто наставником назвался, с двух рук толкнул меня на гнилую траву. Вышел из тумана и сел на корточки.

– Эх, Деня... Харошь паниковать. Я же тут тебя только и ждал.

– Меня?

– А кого же еще? Я сколько раз тебе говорил, чтоб ты книжки собирал и читал. И чтоб в хабе не просиживал свободное время.

– Так я ж заказы...

– Я и про заказы тебе говорил... Ты чем слушал?

– Так это и вправду вы...

– Задолбал уже мямлить, пацан! Маску надевай и пошли.

Нам в НИИ.

– Тц... – я маску пытаюсь поправить и слышу щелчок над ухом. А в руке пистолет. И нет больше колокольчика. Сдернул его оборотень.

Патрон сырой не выстрелил. Тот, что в стволе уже давненько сидит. Не выстрелил... Не умер. Не убил. Не наставник. Я труп уже как два раза. Колокольчик разбудил, щелчок по дохлomu патрону разбудил. Я на наставника смотрю, подношу пистолет с сырым патроном и снова щелчок делаю. И нет наставника. Пропал силуэт. Не смог убить. Не убил. Из леса надо. Надо бегом из леса, пока про второй пистолет не узнал.

– Знал, Деня, знал...

– Да пошел ты!

– Знал, Деня, знал...

– Там тоже колокольчик! Пошел прочь!

– Колокольчик, Деня, колокольчик... – продолжает следовать голос.

– Прочь! – я бегу со всех сил. Легкие не справляются, наружу просятся. Я же тихо по городу бродил. Слушал и вслушивался, а не от тварей бегал. Я же умнее был! Умнее и хитрее, как наставник учил! Не на рожон, а в обход. Я даже туши другие вперед пропускать придумал, чтоб дорогу разведать!

– Слушай и вслушивайся... – голос прошептал издалека, и я уперся в дерево. Руками от него оттолкнулся и вновь упал, зажурился. Голову наклонил. Сжался. Бежать больше не могу. Но нет. Тишина.

Ветер подул, качнулись ветки деревьев, и я услышал переливы сотен маленьких колокольчиков. Откуда?

Отовсюду.

Они на земле. На ветках. На стволах деревьев. Сотни... Тысячи... Больше тысячи! Три тысячи, нет, пять тысяч, и даже больше пяти! Они тут все умерли. Все эти туши пришли сюда и подохли. И я подохну. Точно подохну...

– Где ты?! – ноги сами меня подкинули. Я буквально подпрыгнул. – Где ты, сука?!

– Тут... – резкая боль пронзила ладонь правой руки, на землю упал нож и два пальца.

– АААААААААААААА блядь! А! Сука! – я зажал запястье освободившейся от ножа рукой и попытался остановить кровь, что заливала штаны, плащ, пистолет. Я разжал обрубки и выронил оружие. Больно! Это больно! Это очень больно! Я упал, и меня вновь вырвало кровью, с остатками склизких таблеток. От боли вырвало. Свернуло всего. Я второй пистолет достал и стрелять начал. Грохот. Тяжелые выстрелы посыпались в разные стороны, лишь бы не слышать оборотня. Нельзя его слышать. Нужно уши беречь...

Точно... уши...

Только понял я это, когда пули кончились, которые стрелять могут. В стволе опять че-то сырое застряло. Я маску скинул, капюшон скинул. Заткнул правое ухо окровавленным указательным пальцем, который с обрубками соседствовал. А левое заткнул пальцем опухшим. От раны той туши, рука опухла и повязку почти порвала. Кровоточит. Все кровоточит. И плечо тоже. И желудок. Еще секунда и закашляюсь от беготни.

Кровь в ушах стучит. И только она. Я локти поднял. Почувствовал макушкой дождь, вода щиплет и стекает. Боль отрезанных пальцев стала от меня чуть дальше, ровно настолько, насколько я от пальцев отбежал. Привык к боли. Не больно. Обратно приду – вылечат. Плевать!

Шума нет. Нет дождя, нет ветра, колокольчиков нет. И голоса нет. Фигура передо мной появилась, а я как дурак стою, уши заткнул. Ору ему.

– Ну че, сука?! Че ты мне сделаешь, а?!

Губы наставника шепчут что-то...

– Я тебя не слышу, мразь!

И снова немое бормотание.

– Ты не он! Он бы так не поступил! Он был лучшим!

Фигура улыбнулась, надела на себя очки с зелеными огоньками и отошла назад. Назад... А я назад попятился. Задом пошел. Видеть – нельзя, сожрут. Слушать нельзя – застрелят. А че можно? Задом идти?

Я сделал шаг и споткнулся о сгнившую колючую проволоку. Руки под себя рефлекторно подставил и уткнулся обрубками в грязь.

– Черт... – туман рассеялся. Я остановился, достал шнурок из ботинка и пальцы перетянул. Черные от крови и грязи. Мизинец и безымянный. Нету. И пистолет теперь не взять... Пистолет?

Я похлопал по карманам и не нашел. Ни одного нет. Черт... Еще и маску в лесу просрал.

Обратно идти без нее... Последнего зрения лишусь, черт возьми. Не хочу. Не хочу! Я Таню увидеть хотел! Глаза закрыл, чтобы не щипало туманом. И посидел так, слушая гудение сердца и холодной, как болотная каша, крови.

Встал с закрытыми глазами, и побрел дальше. Не обратно же идти...

Вдалеке свет. Свет?

Я спрятался за лысыми кустами и начал пробираться че-

рез них. Руками раздвигать ветки пытаюсь, а отрезанные пальцы болят еще сильнее. Больно, сука. Ладно в грудь ткнули, не страшно. А вот пальцы теперь не приклеить. Похерил в лесу. Да и тварь их сожрала уже, наверное. А там, впереди, небось опять фонарь живой. Не удивлюсь, если бредет по лесу на своей одной ноге. Переваливается на ней же, светит себе путь...

Не фонарь... Здание. Два этажа. Свет везде горит. НИИ?

Я подбежал ближе, юркнул под козырек, чтоб макушку не жгло. Скинул с волос воду, плащ снял, кофтой сухой чтоб башку протереть. Кровью с кофты воду с лица смыл, и то лучше. Кровь хоть не едкая...

Здание на пригорке, а вокруг лес, да туман. Я обошел, посмотрел в окна. Чисто и пусто. Нет никого внутри. Только столы стоят. Не распухшие столы. Деревянные. Никогда дерева не видел не распухшего и не сгнившего. Точно сухое место. Точно сюда шел. Пришел. Сколько шел? День? Два? Пить хочу...

Ставлю бутылку под водосток, набираю полную и тут же запрокидываю. Пью, пока не понимаю, что глотку не язва жжет, а вода.

– Блядь! – выплевываю че могу. Трехпалой рукой ищу таблетки от воды, в рот сую дрянь, жую, глотаю. Запиваю едкой водой. Лучше так, чем совсем без деактивации... Пусть в желудке в воду превращается. Глотку жалко. Чую, как кровь идет из пасти...

Свет загорелся ярче, и рядом открылась дверь. А за ней лестница вниз. Хаб. Точно хаб. Чтоб туши по сухому зданию не бродили. Сойдет. Щас отдам посылку, отдохну и пойду обратно. Заткну уши, потом буду по болоту идти, потом через дома и эстакаду, мимо фонарей... пройду мимо зеркал... Все хорошо. Путь разведан. Назад проще...

– Денис! – прозвучал незнакомый голос. Женский. Я обернулся на звук и уткнулся взглядом в две точки, что над городом висят.

– Блядь...

И глаз не оторвать.

Гигант...

Я глазами хлопнул и все передо мной изменилось. «Это» появилось внезапно. Будто пять тысяч шагов за мгновение преодолело. Но это разве гигант?

Передо мной стоит огромная тварь, на четвереньках. Как человеческое тело, но руки и ноги обратно выгнуты. Башка большая, с мой рост, больше тела. Висит впереди как тряпка. Меньше титановой, но и это не титан. Может форма его такая. Быстрая, которая. Глазниц нет. Точнее есть, но одна, продолговатая, общая... и в ней две точки рядом посажены светящиеся. Я поэтому и не сразу понял. На точки пялился вдали, а они вот, передо мной, но будто вдали, в глубине глазницы. Рядом совсем. Меньше миллиметра между ними. И в пустой башке светятся. В дыре-глазнице...

Локти и колени вывернуты, конечности поднимаются по

очереди, а тварь на месте стоит. Серая, склизкая, в общем, выше меня раза в два. Я вверх смотрю на нее. Рот-дырочка растягивается, а за ним миллиарды зубов, черных, гнилых, острых как пули у наставника в пистолете его чудном. Башка на меня летит, а я оступился со страху. Падаю по лестнице. Падаю, башкой бьюсь, кожу сдираю... Голова урода в проем ломится надо мной, но протиснуться не может. Большая больно.

Вываливаюсь в светлый хаб. Чистый и пустой. Блюю, кашляю кровью и снова блюю. Опять обоссался. Страшно. Не хочу больше! Не пойду обратно! Там тварь сидит. Ждет меня. Знаю, что ждет. Слышу шаги сверху. Над входом. Дверь открыта, но не приходит в хаб. Не влезает. Закреть бы дверь, а?

Нет! Не подойду! Подальше надо.

В угол надо. Вот в тот, подальше от двери! Я не пойду к лестнице. Там тварь. Дышит сюда, в хаб. Воняет. Мочой воняет, тварью воняет. Больно руку. Пальцы больно. Колени. Где колени? Вот и колени, блядь...

Надо лечь, закрою глаза, закрою уши, прижмусь... Ну будет твари. Не слышу, не вижу. Нет твари. Нет твари. Нет твари.

Нет твари.

– Нет твари. Нет твари. Нет твари. Нет твари.

– Денис...

– **НЕТ ТВАРИ!**

– Денис!

– Нет твари!

– Денис, это я, Таня!

– Нет Тани, нет Тани...

– Денис! Заказ! Очнись!

– Нет... Тани... – я вдруг выдохнул и открыл глаза. Начал щуриться от света. Яркого.

Таня...

Я гордо встал. Подошел к экрану с ее лицом и достал трехпалой рукой коробочку. Заляпал кровью и грязью, сунул в выдвижной контейнер.

– Таня, а вы тут как...

– Я пришла сюда другим путем...

– Хах, – улыбнулся я. Сейчас главное не подавать виду.

Надо штаны плащом закрыть... – Трех тысячная.

– Поздравляю, Денис.

– Мы... Мы сможем увидеться? Мне ведь можно в город?

– Конечно!

Я вдруг осмелел, одернул плащ и пошел к выходу, чтобы в свой хаб быстрее дойти. Хер этой твари! Я в лес, потом вломлю оборотню, потом...

– Денис. Это конечный пункт. Все трехтысячники входят в город здесь.

Панель на стене прошипела и отодвинулась. Я поднял перед экраном руку. – Меня подлечат? Смогут вернуть пальцы?

Спрашивал я и думал, как прикоснусь своей лучшей рукой к Тане.

– Конечно. Проходи...

За открывшейся дверью не так светло. Коридоры с облезшей от старости, а не от сырости, краской. Стрелки с цифрами и словами. Понятно, что мне туда. Там город. Видно, что сухо. Я спускаюсь еще ниже и меня встречают люди в белых костюмах, с пластиковыми масками на лицах. Нет, не на лицах. Это костюмы такие. Целиковые. Вот бы и мне там такой. Видно, что от дождя... Разбираются в этом Сухие.

– Трехтысячник?

– Да, – гордо отвечаю я.

– Снимайте одежду. Она в утиль. Вот ваша... – мне показали на столик с тряпьем в конце коридора.

– А? Ага...

Я сбрасываю с себя вещи, пропитанные кровью, болотом и мочой. Прохожу через кафельный коридор, и вода начинает меня бить отовсюду, я инстинктивно пытаюсь закрыться от нее, но понимаю, что она не жжет. Только обрубки пальцев больно. Скотч с плеча отклеился, рана выдавила размякший хлеб.

Люди в халатах налепили пластыри. Белые, чистые... Перевязали и плечо, и пальцы, накинули на меня синий просторный халат.

– А когда я увижусь с Таней?

– Надо пройти обследование, парень...

– Я здоров. Здоров. Утром проверялся, – вспоминаю я проверку зрения, которую Таня проводила с такой заботой.

– Ложись в капсулу, – человек открывает двери просторного кафельного кабинета, а там целая куча не гнилого железа. Всякие койки, кушетки, белые гудящие аппараты...

Я ложусь в один и стекло закрывается. Я отрезан от людей. От Сухих. Слышу их плохо. Появляется странный звук. Пугающий. Я руками уши закрыть хочу, но локти в стекло упираются, и я до головы не дотягиваюсь. Вдруг голос четкий и громкий раздается над ухом. Будто не живой.

– Расслабься, это просто успокаивающая мелодия.

– Мелодия? – что это за хрень? Какая к черту мелодия?

– Ты в плохом состоянии, мужик.

– Я?

– Да, у тебя открытая язва желудка, повреждение сорока процентов кожного покрова, туберкулез и слепота. Ампутация пальцев... – продолжает перечислять человек. Я могу лишь ухмыльнуться. Много же им работы со мной предстоит. Голос закончил, отключился. Снова плохо слышу... Снова мелодия.

– Живучий носитель ДНК попался... – хвалят меня, разобрать могу.

– Ага... Пойдет... – еще как пойду! Куда угодно пойду! Весь ваш сухой город обойду!

– Эй парень! – снова говорят со мной.

– Да?

– Это тело не восстановить.

– В смысле? – пытаюсь возмутиться я, но человек перебивает.

– Но ты не переживай, – его лицо наклоняется надо мной. – Мы сейчас по-быстрому возьмем твою семенную жидкость. Начнем делать новое тело. Через годик будет готово.

– Новое?

– Да.

– Это круто... А с этим что?

– Это придется сейчас утилизировать. Подожди чуток.

– А, ладно... – новое молодое тело – это даже лучше. Не прогадал. Не зря старался.